

Поэзия

 Игорь Заморский

«В полупрозрачный то ли август, то ли май...»

Не расписать в свой цвет
нам белый свет,
не втиснуть в сроки
свои скудные таланты,
поскольку установлены
пределы доминанты
простым теченьем лет.

И сколь бы ни печально
было сознавать,
но это не мои уже проблемы,
и не к чему мне жизни теоремы
перед лицом Всевышнего
доказывать на пять.

Аргонавт

Ну что, по древней Греции божьющий Ясон,
конечным оказался юности сезон:
в лохмотья – парус твой,
в дрова – проворное весло...
А помнишь, как тебе
чертовски много раз везло?

Но наступленье этих шестируких –
отработанных Вселенной лет –
не отератит стрелою
приснопамятный Геракл.
И что на этот раз тебе
шеннул услужливо оракул?
Что доминанте есть предел,
рецессии предела нет?
Иль что напрасно думал ты,
что защищён от хаоса богами?

Так боги-то придуманы самими нами.
А те, что, может быть, и есть,
достаточно лукавы.
Иных с тобою нам, увы,
не отыскать богов.

Вот он – скелетом врос в песок
разграбленный Арго –
пустой свидетель твоей дерзости и славы,
былых штормов, сражений и пиров,
земной любви нечаянных даров,
отвергнутых ради какой-то там
великой и никчемной цели.

А волосы твои с тех пор изрядно поредели,
и басни твои новым древним грекам надоели,
и о руно теперь безразлично вытирают ноги.

У этноса давно иные цели и пророки –
им тоже предстоят свои забвения дороги.

Так что один вспоминай
свои былые подвиги и страсти,
и сотни тех, кого мечом избавил ты
от унижений старости,
отвоевав под солнцем долгий путь,
чтоб в результат судеб невольно заглянуть.

Глухой вечернею порой
бросается на берег пушечно прибой.

Из актуальных фабул –
лишь неумолчный моря гул
в ушах грядущих по твоим следам сомнамбул.

В полупрозрачный то ли август, то ли май
украдкою вливает край
намыленного облаками солнца
(уместный, как улыбка мертвеца)
касается концом луча лица.

Недремлющий брезгет
тотчас же вырывает вас
из состояния небытия,
влезает внутрь слежавшихся ушей,
путём насилия, взашей
и чуть ли не битья
вы возвращаетесь в текущие события,
которым быть совсем необязательно;
и вы, рискуя вляпаться,
спросонья, невнимательно
снаружи преступаете пределы бытия,
вливааетесь в толпу,
которая движением напоминает стадо,
ворчите с раздражением:
«На кой мне чёрт всё это надо?»

Не утешитель по натуре я,
но специально для любителей пожить
могу предположить:
существование придумала
какая-то каналья;
и в целом жизнь – твоя или моя –
особо чужь это по утрам
нужна кому угодно, но не нам.

Существование сознанию претит,
покуда пробудившийся инстинкт
не нагуляет аппетит.

Справка «ММ»

Игорь Заморский родился 16 мая 1951 года в Магнитогорске. После окончания профессионально-технического училища работал электрогазосварщиком в управлении Уралдомнаремонта, затем бригадиром в ОАО «Прокатмонтаж». В 1997 году состоялась первая публикация стихов в газете «Магнитогорский рабочий». В 2002 году вышла первая книга стихов «Тёмная материя» (16+). В том же году принят в Союз российских писателей. В 2003 году за цикл стихов «Миссия» удостоен диплома литературного конкурса имени К. М. Нефедьева, проходившего под патронажем газеты «Магнитогорский металл». Автор книг «Нелинейные системы» (16+), «Признание в нелюбви» (16+), «За горизонтом событий» (18+).

Русь

Русь глубинная, голубиная,
Русь погостовая и часовенная,
Русь блаженная, оглашенная,
неприглядная и особенная.

С маслом блинная –
Русь равнинная.
Голосящая и холодная,
криминальная и невинная,
подневольная и свободная.

По уму самодурством сеяна,
не сходящая с перепутия –
Русь Бердяева и Есенина,
Пугачёва Русь и Распутина.

Понастригшая с лета венчиков,
неизвестно кому дающая –
Русь вареников и изменников,
Русь вальсяжная и поющая.

Залихватская и посконная,
возносящая и клынящая –
Русь купцовая, подлецовая
и не больше Америк пьющая.

Весеннее

Пройдёт прострельною простудою апрель,
и зацветут сады в тишайшей синеве
холмистою лавиной,
объявши белым цветом света половину,
и обратятся скоро в лепестковую метель;
и отработает
свою годичную повинность сеятель,
отмашет гнутым острием
на травостой косарь,
и лето, словно наглядный думский деятель,
приказ отдаст короткий солнцу: «Жарь!»

Но – что земное повеленье диким звёздам?
Что им болтливая,
сквозящая на мокром камне тварь?
Котёл галактики клокочет
внесезонно, ровно, грозно:
июль – не горше и не краше нежели январь;
и наша будущность –
ничто, и то же – старь.

Иные времена там, расстоянья и процессы.
И наивысший разум в них –
не больше чем кустарь.
Нет ни любви, ни зла, ни ощущенья веса.
Там улыбаться навсегда разучится повеса
и растеряет золото
всероссийский мытарь и мытарь.

Там нет ни низости, ни страсти, ни величья.
Лишь нерасходная величина
без звука, запаха или обличья –
с названием малопонятным: Бездна.

Нет, лучше пусть –
апрель, прохладная весна,
подсохшая, в колдобинах,
среди берёз дорога,
которая куда-то и зачем-то позвала,
и то небольшое, что нам ещё дано от бога.

Безыллюзорность крайне тяжела.

Капсула времени

Пустота – не простое вместилище –
думалось, глядя на раскоп пепелища,
на валы его и стволы,
служившие потолками жилища
тому, кто не единожды
пройдя чистилище,
возрождался то в образе папы римского,
то – аятоллы.

В каком парсеке носило планету,
когда ты жив был здесь?
И дико бытовала эта весь,
стения, торжествую, ненавидя и любя?

Когда в низинных облаках
огнями очагов она таинственно мерцала,
и запырала на ночь пасть портала
вот эта глинобитная стена?

Теперь-то где она –
та пустота,
что в парадигму мира твоего играла?
Что в ней теперь –
кометы млечный хвост
или сверхновая звезда,
или иной галактики форпост?

Та пустота,
что смыслом наполняла твою явь и сны,
молчанием – глубокие снега,
а грязью – хлюпанье весны?

И год за годом, много лет,
пока не обратила тебя в скрюченный скелет,
а плод твоих,
казалось бы немислимых открытий
отправила за горизонт событий,
задав работу местным археологам.

И вот разложенный по номерам под пологом
присутствия почившего нечёткий след
в их косвенных, гипотетических реляциях
название получил «цивилизация»,
которой сорок сотен лет
как уже нет.

Синий вечер

Вечер синий, с талией осиною,
отгремевший грозovým дождём, –
в нём бреду я беззаботной псиной,
сочиняя вирши ни о чём.
Кто прочтёт? Кому всё это надо?
Думал, жил – пустая трата лет.
Синий вечер – вот одна отрада,
а иной и не было и нет.

В этой сини – все мы одиноки,
все – рабы своих привычек и примет;
каждому в дождях – свои дороги,
свой восторг и исчисленье бед.

Не дано нам стать душой единой:
этот – юн, тот – докатился до седин...
Только вечер с талией осиною,
синий вечер – он на всех один.

То ли в посёлках нищих
лай собак нечаянно взбесился,
то ль по озёрам вздыбился и вскрылся
три месяца толстевший лёд,
то ли с небес промозглых
сверзся и разбился
атаковавший звёзды одинокий самолёт,
закончив едким сплавом алюминия и тела,
и облачком кричащим в пустоту
и холод отлетела
очередная сотня нераскававшихся душ?

Бог или дьявол там сорвал нежданный куш,
а только – снова тишина, мороза сушь,
покойно спит Земля.
Ей, как всегда, ни до чего нет дела –
в холмистых долах развалилась бело,
не обозначивши начала и конца.

Никто не сунет нос в промёрзлое оконце.
И только огненное зарево за солнце
спросонья примет на минуту
пробудившийся пацан.

Мысли вслух

Из всех общечеловеческих ценностей наиболее
ценной следует признать веру в существова-
ние подобных ценностей.

Исключения из правил подтверждают не
правила, а их происхождение.

Вера – дама бесцеремонная: вытолкай её в
дверь, так она в форточку влезет.

Человек – креоционист, и никогда не переста-
нет выдумывать акт творения.

Уступи дорогу к счастью спешащему: пусть
убедится, что его там нет.

Пространство есть математическая аб-
стракция, время – художественный образ
движения.

То, что я мыслю, не добавляет мне уверен-
ности в том, что я существую.

Понять Вселенную через редукцию невозмож-
но, но иного нам не дано.

Представление об особой, творческой лич-
ности породил девятнадцатый век – век на-
учных, социальных и онтологических сказок.

Нет более изящного искусства, чем письмо
вилами на воде.

Можно ли сказать, что красота спасёт мир?
Конечно. Сказать можно всё что угодно.

Похоже, Вселенная всё-таки наплевала на
принцип вычислительной эквивалентности,
поскольку и не думала ему следовать.

В России не только поэт больше, чем поэт, но
и уборщица больше, чем уборщица.

Европейскую толерантность мусульманин
понимает как то, что Аллах лишил неверных
разума, дабы правоверные могли вырезать их
во славу его. Правильно понимает.

Последние проблески смысла наблюдаются на
горизонте человеческих интересов.

Поиск должного в возможном приводит к
предсказанию результата невозможного
опыта.

То, что после смерти праведники и грешники
попадают в одно и то же место, не устраи-
вает исключительно праведников.

Любая идея, как регулятивный принцип, пред-
ставляется морковкой перед носом очертя
голову бегущего за нею осла...
Не очаровывайся, да не разочарован будешь.

Думая о бозонах, я почему-то думаю не о
вероятности их распада, а о том же, о чём
задумывался в IV веке нашей эры Аврелий
Августин: «Что такое быть?»